

ДВА РОМАНА – ДВА ДОКУМЕНТА ЭПОХИ («О МАРИЯ» СИНАНА АНТУНА И «ФРАНКЕНШТЕЙН В БАГДАДЕ» АХМАДА СААДАВИ)

Н.М. Шуйская

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Статья посвящена анализу двух значимых произведений современной арабской литературы, номинировавшихся на самую престижную в арабском мире премию в жанре романа «Арабский Букер». Это роман иракского писателя Синана Антуна «О Мария» (шорт-лист 2013) и роман его соотечественника Ахмада Саадави «Франкенштейн в Багдаде» (Арабский Букер 2014). Оба сочинения, рисуя художественный образ своего времени, являются по сути документами эпохи, написанными языком художественной прозы, поскольку затрагивают события остро-кризисного периода истории Ирака (2005, 2010 гг.), последовавшего за падением режима Саддама Хусейна. Авторы-«фактографы» повествуют о воцарившемся в стране хаосе, бесчёрных террористических актах, гибели людей и массовом бегстве преимущественно христианского населения в силу ужесточившихся условий их существования в окружении мусульманского большинства и обострения межконфессиональных противоречий. Это и романы – обвинения в абсолютной беспомощности, присущей иракским властям, во вседозволенности и пренебрежении национальными интересами Ирака, характерными для политики американской оккупационной армии.

Ключевые слова: взрывы, террористические акты, анархия, эмиграция, религиозно-этнические меньшинства, конфессионализм, оккупационные власти.

Обращение иракских литераторов Синана Антуна (роман «О Мария») и Ахмада Саадави (роман «Франкенштейн в Багдаде») к событиям недавнего прошлого (действие первого романа происходит в конце октября 2010 г., второго – в 2005 г.) продолжает писательскую традицию откликаться в своих произведениях на актуальные социально-исторические проблемы, присущие данному времени. Именно образ современности стал тем центральным художественным образом, к которому стягивается круг волнующих авторов общественно-политических вопросов, порождённых динамикой событий первого десятилетия нового века. Отечественный прозаик и драматург А. Вампилов считал: «Писать нужно о том, от

чего не спится по ночам» [4, с.43]. Вот и арабские писатели, которых немало тревожит неутраченная на их родине драма близкого и дорогого им мира, откликнулись на происходящее в Ираке произведениями, получившими высокую оценку и известность в арабском регионе и за его пределами.

Проза С. Антуна и А. Саадави – не документальная, она художественная. Но, как известно, художественное произведение порой не меньше, чем документальное, важно для формирования у читателя образа того или иного исторического события. Разве не по лермонтовскому «Бородино» и «Войне и миру» Толстого мы представляем Отечественную войну 1812 года? И разве не документы эпохи блоковское «Двенадцать», «Виш-

нёвый сад» Чехова или «Как закалялась сталь» Островского?

Документальной достоверности добавляет рассматриваемым иракским романам упоминание реальных персонажей истории Ирака (преимущественно у С. Антуна), подлинных исторических событий (например, ирано-иракская война, оккупация Ираком Кувейта), а также фактов известного всему миру – по сообщениям информантов – иракского лихолетья, ознаменовавшего натиск тирании иного типа (по сравнению с прежним авторитарным режимом) – торжества хаоса, нарастающей энтропии социума.

Вампиловское «не спится по ночам» находит в романах буквальное воплощение: причина – американские бомбардировки Багдада (1991), взрывы заминированных автомашин, атаки террористов-смертников, перестрелки членов вооружённых формирований противоборствующих группировок. Персонаж романа «О Мария» Хинна наутро после ночных обстрелов столицы спрашивает: «Что это творилось всю ночь? Бум, бум, бум... Может, хватит? Не наелись ещё, что ли?» [1, с.31]. Этой «физиологической» лексемой «наелись» автор стремится передать не только усталость, но и накопившееся раздражение населения запредельной вседозволенностью американцев и оцепенелостью иракских властей перед засильем заокеанских демократизаторов.

Упомянутое иракское повседневно – взрывы, атаки, перестрелки – порождает в душах людей гнетущее ощущение нависшей угрозы, непреодолимого чувства ежеминутной опасности, абсолютной незащищённости и беспомощности гражданского населения. «Франкенштейн...» начинается с того, что одна из главных действующих лиц – пожилая ассирийка Умм Даниэль, села в автобус, чтобы поехать в церковь на воскресную службу. «Взрыв произошёл через две минуты после отправления автобуса. Все в автобусе быстро обернулись и увидели страшную завесу дыма, чёрной тучей поднимавшегося вверх над автостоянкой у площади ат-Тайаран в центре Багдада» [3, с.11]. А во второй половине дня, когда Умм Даниэль возвращается из церкви домой, «тротуары чистые, сгоревшие автомашины убраны. Мёртвых отправили в отделения судебной медицины, раненых – в госпиталь аль-Кинди¹. Немного битого стекла там и здесь, закопчённый столб, яма в асфальте улицы» [Там же, с.13]. Погружённая в свои невесёлые думы о погибшем

ещё в ирано-иракскую войну сыне и уехавших в далёкую Австралию дочерях, она не замечает, что за электрический столб зацепились человеческие останки: «пятна крови и клочья волос» [Там же, с.14]. Итожащая фраза автора-повествователя «Возможно, это был самый мощный взрыв в этом районе за сегодняшний день» [Там же, с.14] красноречиво свидетельствует о нескончаемости и повсеместности череды подобных кровавых событий, которые делают жизнь «местом, где жить нельзя» (выражение М. Цветаевой). Иракские писатели представляют решение своих персонажей эмигрировать совершенно оправданным, благоразумным и единственно возможным. Однако мотивы, диктующие его непростое принятие, «задокументированы» двумя авторами «с вариациями».

Один мотив – смертельная опасность, угрожающая одинаково всем гражданам в условиях политической нестабильности, безвластия, анархии. В таком ключе он получает воплощение в «Франкенштейне...». В романе «О Мария» этот мотив усложнён: вопрос жизни и смерти встал особенно остро для иракских христиан. Обращаясь к бесстрастному языку цифр, напомним, что, по данным мировых информантов, в годы правления С. Хусейна в Ираке проживало полтора миллиона христиан. В последующие десять лет страну покинул 1 миллион христиан. В настоящее время их численность (по сравнению с 2003 г.) сократилась в десять раз [7].

Ирак, бывший домом для разных народов, исповедовавших разные религии, перестал восприниматься своими христианами как непоколебимая данность. Иракские христиане лишились уверенности не только в завтрашнем дне, но и во всех последующих. С. Антун фиксирует это сравнением «вчерашнего Ирака», оживающего в воспоминаниях протагониста романа 77-летнего Юсефа, с Ираком сегодняшним, невыносимые тяготы жизни в котором артикулирует другое главное действующее лицо – племянница Юсефа, 25-летняя Маха. Родные сёстры Юсефа уже давно выехали и обустроились: одна – в Швеции, другая – в Канаде. Они настойчиво зовут к себе брата, но тот упорно отказывается: не хочет подвергаться неизбежным унижениям из-за эмигрантского статуса, а главное – всё, что его привязывает к жизни, остаётся здесь, на родине: родной дом, его стены, увешенные фотографиями родных, которые воссоздают в его памяти всю

¹ Главный госпиталь в современном Багдаде, носящий имя видного интеллектуала эпохи Аббасидов, «философа арабов» Якуба ибн Исхака аль-Кинди.

прошедшую жизнь, ещё оставшиеся в живых – и в Ираке – друзья.

Кроме того, этот персонаж на протяжении всего романа является носителем и выразителем чувства исторического оптимизма, он старается убедить племянницу и её мужа в том, что этот морок – не навсегда: «Некоторые страны и народы переживали и худшие времена, но потом всё налаживалось. Таково движение истории» [1, с.25].

У Юсефа деятельный период жизни, протекавший во «вчерашнем Ираке», вполне удался. В детстве он был окружён многочисленной любящей роднёй, ближайшими друзьями были юноши – мусульманин и иудей, ему посчастливилось заниматься любимым делом – работал в финиковой компании, изучал пальмы, дослужился до поста генерального директора. Ни с какими притеснениями ему сталкиваться не доводилось, он даже полюбил девушку-мусульманку, но отец-профессор не отдал за него дочь, впрочем, вовсе не из-за различий в вере, а потому, что Юсеф был старше своей избранницы и не имел диплома о высшем образовании.

Но время этого поколения прошло, будущее страны – за молодёжью. Но какую «автобиографию» своей молодой героини пишет автор?

Жизненный опыт Махи полон горьких обид и душевных травм: начать с того, что её первые осознанные воспоминания связаны с тревогой и страхами, когда она, будучи тогда ребёнком, вместе с семьёй укрывалась в бомбоубежище (начало 90-х – американские бомбардировки). В отрочестве и юности она страдала от недобрых, осуждающих взглядов мусульманского окружения, смотревших на неё, не носившую хиджаб, как на девицу с низкой социальной ответственностью. Она никогда не чувствовала себя абсолютно полноценной, наоборот, она «устала, потому что всё и все по поводу и без, напоминают мне, что я [Маха. – Н.Ш.] – меньшинство» [1, с.112].

Но чудовищная трагедия в её жизни была, как оказалось, впереди. Под окнами их дома в тихом христианском районе Багдада взорвалась заминированная автомашина. Из-за страшного испуга беременная в ту пору Маха потеряла не успевшего родиться сына. Она была уверена, что этот террористический акт был направлен против жителей именно их квартала как населённого преимущественно христианами.

Так автор-«документалист» аргументированно «протоколирует» единственный инвариант судьбы своей героини-христианки – навигацию на Запад, на чужбину, подальше «от заминированных автомашин, терроризма и конфессионализма» [1, с.113]. Не случайно статья арабского литературного критика Маи аль-Хадж о романе С. Антуна имеет заглавие: «“О Мария” – крик, который вскрывает страдания меньшинств» [5].

В «Франкенштейне...» автор-хроникёр видит свою художественную задачу в том, чтобы нарисовать наиболее реалистическую, в деталях, картину современного ему Ирака. А. Саадави скрупулёзно внимателен к бытийному укладу жизни своих персонажей, он, словно прислушавшись к совету М.А. Булгакова², любит их, подробно описывая их жилища, повседневные занятия, отмечает изменения в их одежде и т.п. Вещный мир (обоих романов) детализирован и может удивить, в частности, обилием материалов, из которых состоят окружающие героев предметы (до 20 наименований).

Всё подчинено задаче зафиксировать приметы окружающей среды, оставить их «оттиск», «слепок», «задокументировать». Вместе с тем, как и С. Антун, А. Саадави даёт образцы межконфессиональных отношений в полиэтническом Ираке. Священник ассирийской церкви один имел мобильный телефон. Так, после службы к нему выстраивалась очередь прихожан, чтобы позвонить своим эмигрировавшим родственникам. Более того, приходили люди из близлежащих районов, в том числе мусульмане, отказа никто не встречал. А одна из главных героинь – Умм Даниэль – добровольно и охотно исполняла «обеты» по наведению порядка у ворот англиканской церкви, у стены «заброшенной синагоги», в палисаднике ассирийско-православной церкви, у ворот мечети [3, с.105].

Однако далеко не везде дела обстоят так благостно. Персонаж «Франкенштейна...». Махмуд ас-Савади и Хади аль-Аттак договорились поделиться друг с другом самой сокровенной тайной. Оказалось, что главный секрет жизни Махмуда – то, что «мы не мусульмане и мы не арабы» [3, с.127]. Его предок – сабеец, который когда-то принял ислам, чтобы жениться на мусульманке. Так это и продолжало бы оставаться лишь в анналах семейной истории, если бы не разыгравшаяся в стране драма, до крайности обострившая все, в том числе, межконфессиональные противоре-

² «Героев своих надо любить; если этого не будет, не советую никому братья за перо (...)» Цит. по: М.А. Булгаков, Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита: Романы. Л., 1978. С. 370.

чия. Поэтому перспектива этнических чисток для некоторых персонажей жизнеопасна.

Автор пишет и о целых «семьях, бежавших из соседних районов по конфессиональным причинам или из-за угрозы старой мести, возобновившейся после падения прежнего режима» [3, с.19].

Е.М. Примаков в статье о Саддаме Хусейне дал следующую характеристику рассматриваемого периода: «Бездумная вооружённая интервенция американских войск без всякого решения СБ ООН (...) привела к катастрофическим последствиям. Ирак был погружен в хаос (...) Практически каждодневные террористические акты, уносящие жизни тысяч мирных жителей, миллионный исход из Ирака беженцев, достигшая кульминации вражда и кровавые столкновения между суннитами и шиитами (...) – это далеко не полный перечень итогов американского вторжения (...)» [2, с.271-272].

Иракским авторам не свойственна идеологическая аберрация зрения. Несмотря на то, что С. Антун с 2005 года живёт в США (преподаёт арабскую литературу в Нью-Йоркском университете), он уже на первых страницах своей книги пишет, что Ирак стал «местом, заражённым смертью» [1, с.12], упоминает об американских обстрелах столицы («В ту ночь американские самолёты разрушали Багдад, подвергая город массированной бомбардировке, от которой содрогалась земля» [Там же, с.28]). Именно эти обстрелы были теми первыми неизгладимыми впечатлениями ранимой души ребёнка, которые вынесла из детства Маха: они навсегда поселили в ней ощущение ужаса от своей абсолютной беззащитности и бессилия.

В своей уже взрослой жизни иракская христианка в конце романа высказывает твёрдое убеждение: «Америка не помогла нам. Наоборот, наше положение только ухудшилось» [1, с.155]. «Вначале мы все обрадовались падению Саддама, – вспоминала Маха события семилетней давности. – Больше всех был рад мой отец, хотя он и не верил в добрые намерения американцев. Он, подобно многим, считал, что Ирак превратится в Гонконг, как об этом говорили в выпусках новостей. Ему не приходило в голову, что они превратят его в подобие Сомали» [Там же, с.119].

«Не верят» американцам и персонажи «Франкенштейна...». Сам генерал Сурур Маджид, возглавлявший целое управление по вопросам безопасности, «сомневался в американцах. Они используют получаемую от него информацию, чтобы отслеживать маршруты передвижения интересующих их лиц, но никогда не делают это с тем пониманием пользы, которое имеет в виду генерал Сурур» [3, с.124]. Иными словами, используют единственно к своей выгоде, полностью игнорируя законные интересы страны своей дислокации.

Все упоминания присутствия и деятельности американцев в Ираке выдержаны в романах в критической тональности, нет и намёка на какую-либо благодарность и признательность. Более того, устами главного редактора журнала Бахера ас-Саиди автор «Франкенштейна...» прямо говорит, что американское посольство в Багдаде выполняет миссию «по обеспечению равновесия насилия в Ираке между суннитскими и шиитскими группировками, чтобы обеспечить в дальнейшем равновесие и за столом переговоров о будущем страны. Американская армия неспособна или не желает остановить насилие, поэтому намерена, по крайней мере, добиться равенства в количестве убитых. Без этого не будет успешного политического процесса» [Там же, с.195]. Эта открытая инвектива в адрес американских демократизаторов с их спрутовой вездесущностью, одержимых навязчивой идеей «закачивать» демократию в другие страны, вызывает в памяти строку А. Вознесенского «Всё прогрессивное реакционно, если рухнет человек».

Сочинения иракских писателей – обстоятельные документы эпохи, где зафиксированные события, а также всевозможные детали необходимы читателям, не являющимся очевидцами происходящего, чтобы получить представление, возможно более полное и исчерпывающее, о том, чем и как жила эта страна и её народ в конкретный, критический период своей истории, о том, как уязвим человек и как хрупко его существование. Уместно, думается, привести следующее высказывание иракского писателя Луэя Хамзы Аббаса: «Творчество в условиях, подобных нашим, это защита жизни в различных её проявлениях перед лицом сил варварства и мрака» [6]. Миссия, выполняемая только писателями.

Список литературы

1. Антун Синан. Йа Марьям (О Мария). Ривайа (Роман). Бейрут-Багдад: Маншурат аль-джумаль, 2012, изд.1. 159 с.

2. Политические портреты деятелей стран Ближнего и Среднего Востока: очерки. М.: МГИМО-Университет, 2015. 274 с.
3. Саадави Ахмад. Франкенштейн фи Багдад (Франкенштейн в Багдаде). Ривайа (Роман). Бейрут-Багдад: Маншурат аль-джумаль, 2014. изд. 4. 352 с.
4. «Свой». Ежемесячное приложение к газете «Культура», июль-август 2017.
5. Аль-Хадж Мая. Йа Марьям... сарха такшифу алям аль-акаллийят («О Мария» – крик, который вскрывает страдания меньшинств). Аль-Хайат, № 18041, 26.08.2012.
6. Хамза Аббас Луэй. Аль-Китаба аль-иракыййа тасиру фи хакль альгам (Писательская работа в Ираке – хождение по минному полю). Аль-Хайат, № 18813, 07.10.2014.
7. <http://www.sedmitza.ru/text/4259151.html> (Седмица.RU 21 ноября 2013 г.)

Сведения об авторе:

Шуйская Наталья Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока, МГИМО. Сфера интересов: речевая практика, современная арабская литература, художественный перевод. E-mail:shnata55@mail.ru.

TWO NOVELS AS TWO HISTORICAL DOCUMENTS (“AVE MARIA” BY SINAN ANTOON AND “FRANKENSTEIN IN BAGHDAD” BY AHMED SAADAWI)

N.M. Shujskaya

Moscow State Institute of International Relations (University),
 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *The article analyzes two landmark works of contemporary Arabic literature, which were nominated for ‘Arabic Booker’, the most prestigious novel prize in the Arab world. These novels are “Ave Maria” by Sinan Antoon (short listed in 2013) and his compatriot Ahmed Saadawi’s work “Frankenstein in Baghdad” (Arabic Booker, 2014). Both works offer literary images of the time, essentially being documents of the historic period written as pieces of fictional prose. They touch upon what happened during the grave crises (2005, 2010) of Iraq’s history following the fall of Saddam Hussein’s regime. The authors provide a factographic record of the havoc wreaked in the country, endless terrorist attacks and deaths, the exodus of Christian population as a result of toughening living conditions among the Muslim majority and escalating confrontations between religions. This is an accusation in complete helplessness against the Iraqi authorities and in permissiveness and disrespect for Iraq’s national interests against the American occupation army.*

Key Words: *explosions, terrorist attacks, anarchy, emigration, religious and ethnic minorities, confessionalism, occupation authorities.*

References

1. Antun Sinan. Ya Mar’yam (O Mariya) [Ave Naria]. Rivaya (Roman). Beirut-Baghdad: Manshurat al’-dzhumal’, 2012, ed.1. 159 p.
2. Politicheskie portrety deiatelei stran Blizhnego i Srednego Vostoka: ocherki [Political Portraits of People from Near and Middle East: Essays]. Moscow: MGIMO-University, 2015. 274 p.
3. Saadavi Akhmad. Frankenshteyn fi Bagdad (Frankenshtein v Bagdade) [Frankenstein in Baghdad]. Rivaya (Roman). Beyrut-Bagdad: Manshurat al’-dzhumal’, 2014, ed. 4. 350 p.
4. «Svoy». Ezhemesiachnoe prilozhenie k gazete «Kul’tura» [«Your own». Monthly supplement to the newspaper «Kultura»], July-August 2017.

5. Al'-Khadzh Maya. Ya Mar'yam... sarkha takshifu alyam al'-akalliyyat («O Mariya» – krik, kotoryi vskryvaet stradaniia men'shinstv) [«Ave Maria» is a cry that reveals the sufferings of minorities]. Al'-Khayat, № 18041, 26.08.2012.
6. Khamza Abbas Luey. Al'-Kitaba al'-irakyya tasiru fi khakl' al'gam (Pisatel'skaia rabota v Irake – khozhdenie po minnomu poliu) [Writing in Iraq – Walking in the minefield]. Al'-Khayat, № 18813, 07.10.2014.
7. <http://www.sedmitza.ru/text/4259151.html> (Седмица.RU 21 ноября 2013 г.) [Sedmitsa.RU November 21, 2013].

About the author:

Natalia Michaylovna Shuyskaya – PhD, Associate Professor of Middle East Languages, MGIMO. Spheres of interest: Arab speech practice, modern Arab literature, literary translation. E-mail:shnata55@mail.ru.

* * *